

Таким образом, если даже отбросить все преувеличения Нейгебауэра, достижения вавилонян все же остаются огромными. Как мы видим, в целом ряде областей греки никогда не достигали таких результатов, как вавилоняне. Есть основание думать, что независимо от греков вавилонская математика повлияла на индийскую, а индийская, в свою очередь,—на арабскую; поэтому работа вавилонян в области алгебры не осталась бесплодной, а повлияла на нынешнюю математику.

Проф. С. Лурье

Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова

В самое последнее время, после разоблачения концепции М. Н. Покровского и его «школы», у нас заметно усилился интерес к начальному периоду истории России,—так называемой Киевской Руси. Этому в значительной мере содействовали последние изыскания в данной области акад. Б. Д. Грекова. Поэтому выход в свет «Лекций по русской истории» покойного проф. А. Е. Преснякова (Москва, 1938, VI+279 стр.) следует приветствовать, как явление вполне своевременное. Если принять во внимание, что в 1937 г. переиздан первый том «Курса русской истории» В. О. Ключевского (Москва, 1937, XVIII+395 стр.), посвященный той же эпохе, то можно признать естественным стремление сопоставить эти два издания, эти два курса по истории Киевской Руси.

Конечно, оба автора—представители буржуазной историографии, но в наше время, когда, по директивам партии и правительства, идет большая работа по созданию марксистского курса истории СССР, эти два курса дают немало ценного фактического материала, который должен быть учтен при марксистской реконструкции истории Киевской Руси.

Между обоими курсами есть связь,—оба автора принадлежат по существу к историко-юридической школе историков. Но между ними есть и значительная разница. В то время как курс Ключевского блещет оригинальностью своего построения, горвит свое слово, имевшее большое значение в ту эпоху, когда оно раздавалось,—курс Преснякова делает лишь к нему свои поправки и дополнения и использует научную литературу начала XX в., неизвестную Ключевскому.

Точка зрения В. О. Ключевского в основном хорошо известна историкам, и потому долго на ней мы не будем останавливаться. Это—теория городской, или торговой Руси, придающая значение главного фактора в истории Киевской Руси—иноземной торговле. Торговля заезжих людей втянула славян в «торговое движение», связавши их с иностранными рынками, и создала торговые города и вокруг них городские области (стр. 118—122). В связи с этим появились варяжские княжества, в которых вооруженные иноземные торговцы превратились во властителей (стр. 134 сл.). Наконец, «из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городских областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси» (стр. 140)—образовалось Киевское государство. В нем князья—военные сторожа, охранители торговых путей, организаторы обороны против «злой степи». Князья со своими дружинами—это «перелетные птицы русской земли» (стр. 200). Киев имел значение «сборного пункта русской торговли» и «центральной вывозной фактории» ее (стр. 140, 143). Пала торговля—пал и Киев, и население с Днепра потянулось на северо-восток, где создаются затем новые условия государственности. К этому нужно прибавить теорию «очередного порядка» наследования княжеских столов—«точное соответствие ступеней двух лестниц, генеалогической и территориальной, лестницы лиц и лестницы областей» (стр. 174), а также отрицание феодализма в истории Киевской Руси—«отсутствие феодального момента» (стр. 375).

Таковы основные пункты построения истории Киевской Руси у Ключевского. Как видим, точка зрения Ключевского далека от марксистского освещения истории этой эпохи. Он не дает развития производственных отношений в эту эпоху, а придает главное значение внешнему толчку, сильно им преувеличенному.

Что же нового дает в своем курсе Пресняков по сравнению с Ключевским? Пресняков критикует и теорию торгового происхождения городских областей и очередной порядок княжеского наследования. Но ближе ли он к марксизму, чем Ключевский? Для ответа на этот вопрос нужно прежде всего взять отношение Преснякова к проблеме феодализма в древней Руси. Несмотря на то, что ему была известна работа Н. П. Павлова-Сильванского—«Феодализм в древней Руси», Пресняков решительно никак не реагирует на эту книгу,—по крайней мере в этом томе, хотя вскользь и цитирует ее (стр. 188). В этом отношении он отстает от Ключевского, который все же находит в Киевской Руси—«немало черт, сходных с феодальными отношениями», «отношения, напоминающие феодальные порядки Западной Европы» (стр. 375, 377). У Преснякова на первом плане—«княжая защита», «княжое право» (стр. 185 сл.). Он—юрист прежде всего и больше Ключевского. Боярского землевладения он касается вскользь и отрицает возможность иммунитета в XII в.—начале XIII в. (стр. 195, 229—230).

Какая главная сила строила Киевское государство? На это у Преснякова ясный и определенный ответ—варяжские князья и их дружина. Можно сказать, что ни у одного историка вера в силу норманизма не выявлена так ярко, как у Преснякова.

Чтобы подтвердить, что таково основное положение курса А. Е. Преснякова, приведу ряд более характерных выдержек: «Варяжский элемент получает руководящее значение в судьбах Восточной Европы» (стр. 37); «древнейшие выходцы из Скандинавии сохранили имя Русь на юге» (стр. 38); «скандинаво-русская государственность» (стр. 39—40); «те события, которые относятся к так называемому происхождению русского государства, только одна из страниц, хотя и важнейшая, в истории деятельности варягов в Восточной Европе» (стр. 41); «проблема образования Киевского государства сводится к вопросу, когда и как пришли в политическую связь юг и север... установление этой связи дело варягов» (стр. 47); «следы прошлого были под корень сметены новыми формами организации и городского быта, какие принесли с собой в среду восточных славян выходцы из далекой Скандинавии» (стр. 59); «земли-волости и сами сложились и стали служить торговому движению между Русью и Византией вследствие своего подчинения власти, засевшей в городах» (стр. 65), т. е. скандинавов (стр. 64); «торговое движение в Восточноевропейской Руси выступает, как мотив энергичного стремления варягов, точнее скандинавов, которых в славянской среде называли то русью, то варягами, к поволжским, прикаспийским и черноморским рынкам; умалить значение скандинавского элемента в судьбах Восточноевропейской равнины не приходится» (стр. 66); «не вижу оснований отделять вопрос об образовании городских областей от вопроса о появлении в восточнославянской среде варяжских княжеств» (стр. 67); «сквозь беглые наброски Константина Багрянородного видно страну замирную, торговую, с преобладающим значением городов, а в них—варяжской руси» (стр. 73); «переход от племенного быта к строю городских волостей» нельзя «отделять от водворения среди восточных славян варяжской княжеской власти» (стр. 74) и т. п.

По поводу этих высказываний Преснякова стоит вспомнить фразу покойного академика Ф. И. Успенского, вскользь брошенную им в одной из работ¹: «Если все это сделали норманские князья со своей скандинавской дружиной, то они похожи на чародеев, о которых рассказывается в сказках».

Связанная с этим построением критика Пресняковым городской теории Ключев-

¹ «Русь и Византия», Одесса, 1888, стр. 14.

ского теряет свою цену. Говоря о политическом значении Новгорода и Киева и «варяго-греческого пути» и «опорных пунктов» на нем (стр. 80 и др.), Пресняков (как и Ключевский—с точки зрения внешней торговли, стр. 123) упускает из виду, что большинство самых старых городов Руси было расположено не на этом пути, таковы: Пересечен, Искоростень, Волинь, Чернигов, Туров, Полоцк, Изборск, Ростов, Муром, Тмутаркань; не учитывается и то, что Киев и Новгород—не первичные города, а сравнительно «новые», возникшие в связи с изменением строя—падением родо-племенного уклада и созданием новой государственной организации.

Представление о том, что норманские конунги со своей дружиной «произвели коренной перелом» в жизни восточного славянства и создали «строй городских волостей», вытекает из игнорирования и непонимания внутренних закономерностей в развитии Руси и по существу мало чем отличается от построения Ключевского. Ведь «государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу», «государство есть продукт общества на известной ступени развития»¹.

Нельзя сказать, чтобы Пресняков не приводил иногда данных, противоречащих его норманистскому построению. Таковы, например, вскользь брошенные им фразы: «славянская культура оказалась в X в. сильнее варяжской» (стр. 78); «Святослава летопись изображает скорее степным наездником; это—не викинг» (стр. 83); «более тщательное изучение, несомненно, не изменит общего характера наших представлений о киевской культуре, как выросшей по существу на усвоении и переработке элементов византийской культуры» (стр. 149) и др.

Однако эти фразы не побуждают автора задуматься и критически отнестись к чрезмерному увлечению норманизмом. Характерной для него является фраза: «Попытки построить некоторые представления о черноморской руси по арабским свидетельствам ничего надежного не дают... и кому охота разбираться в этих попытках, тот пусть исходит из критических этюдов Вестберга» (стр. 44). Доводов антинорманистов он не опровергает, а лишь со снисходительным пренебрежением обвиняет их в «псевдо-патриотических тенденциях» (стр. 66—67).

Несомненным достоинством курса Преснякова является его живой отклик на новую научную литературу. Можно сказать, что в первых главах он целиком зависит от построений, во-первых, А. А. Шахматова, затем—С. М. Середонина, М. Д. Приселкова.

Однако использование работ Шахматова нельзя признать вполне совершенным. У А. А. Шахматова был гениальный размах, непрестанное и острое искание научной истины— и в связи с этим множество временных, скоропреходящих рабочих гипотез. А. Е. Пресняков стремится ввести Шахматова в определенные рамки, зафиксировать отдельные моменты его рабочих построений, закаталогизировать вскользь брошенные блестящие его остроумные предположений. Отсюда следование за Шахматовым иногда приводит Преснякова к «отчаянию» (стр. 72), порою «Шахматовская оценка исторического смысла» эпохи «не совсем понятна» ему (стр. 105).

С другой стороны, нельзя, например, признать удачным широкое использование Пресняковым высказанной в 1908 г. Шахматовым догадки о том, что «в VIII—IX вв. среди приднепровских славян появляются полчища скандинавов»² (стр. 38, 43). Между тем, Пресняковым не принято к сведению такое, например, важное наблюдение Шахматова: «Государственность, складывавшаяся понемногу на юге, начинает зарождаться и на севере... Ясно, что государственность покоилась на юге на более прочных основаниях. Соревнование между русским и варяжским началами оканчивается полным тор-

¹ Ф. Э н г е л ь с—Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1937 г., стр. 224.

² «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПб, 1908, стр. 326.

жеством начала русского: Новгород попадает под зависимость киевского князя¹. У Преснякова же мы читаем наоборот: «Центр больше в Новгороде, чем в Киеве... Основы гражданской и правительственной организации, сложившиеся в Новгороде, перенесены на юг» (стр. 135, ср. 80, 123). Вряд ли с этим можно согласиться.

Использование критических изысканий Шахматова об эпохе первых князей (стр. 67—73) можно признать сравнительно удачным, хотя с некоторыми оговорками; укажу одну, главную. Допущение Пресняковым того, что Олег мог быть «воеводою» Игоря (стр. 72), не приемлемо по следующим соображениям: 1) Шахматов признает «воеводство» Олега комбинацией летописного сводчика²; 2) хронология Новгородской первой летописи младшего извода за эту эпоху висит в воздухе; 3) еврейский документ называет Олега—«Хальгу»—«царем Руссии», действующим самостоятельно.

Опубликование критических замечаний Шахматова и Преснякова об эпохе первых князей надо признать своевременным, ибо в работах наших ученых чувствуется иногда догматическое преклонение пред летописным текстом и встречаются не критические высказывания о том, что Рюрик и Олег «вели систематически» «повседневную политическую работу», что они являлись «полномочными представителями своей страны» и т. п.³

Слабее обстоит дело у Преснякова с эпохой Святослава и Владимира. Он мало учитывает наличие некоторых легендарно комбинированных элементов в летописи за это время. Борьба между сыновьями Святослава не вызывает его на критические замечания. Обилие легенд о Владимире не будит его историческую мысль. Бориса и Глеба без колебаний он принимает сидящими в Ростове и Муроме (стр. 97). Из спокойного равновесия не выводит его мысль даже тот факт, что по летописи—«остальные Владимировичи неведомо как сошли с исторической сцены» (стр. 94, 138 и др.).

В дальнейшем следует отметить удачное разрешение Пресняковым вопроса о переселении 1169 г.; он верно указывает, что тогда «перенесения политического центра на север не произошло» (стр. 238); затем в основном он дает верную, хотя и не вполне точную и очень краткую, характеристику момента второй половины XII—начала XIII в. (стр. 238—239), но при этом, конечно, упорно избегает говорить о феодализме, даже хотя бы в тонах Ключевского.

К числу положительных сторон лекций Преснякова нужно отнести его критику расовых теорий (в главе I) и выяснение вопроса о семейной общине (в главе V). Но в то же время он всецело стоит на позициях индоевропейской теории и славянской прародины (главным образом в главе II).

Конечно, есть еще ряд вопросов, вызывающих недоумения и возражения, но на них останавливаться не будем. Следует лишь отметить несколько фактических недоразумений и неточностей. Так, на стр. 37 говорится, что радимичи были «данниками» Хазарского царства «до времен Святослава», между тем, как летопись первое подчинение радимичей Киеву относит к эпохе Олега, а затем новое покорение их приписывает Владимиру; тут, очевидно, радимичи взяты заодно с вятичами. Неоднократная ссылка на то, что у Константина Багрянородного Святослав назван «братом Игоря» (стр. 73, 74, 79, 123), основана на неверном переводе Г. Ласкина. На стр. 130 история борьбы Ярослава со Святополком оканчивается, согласно новгородской версии летописи, рассказом о бегстве Святополка «в печенеги», а о последующих событиях—по киевской версии летописи—ничего не сказано. На стр. 134 говорится о «победе Ярослава при Листвене» между тем, как летописи определенно говорят о победе при Листвене Мстислава над Ярославом. На стр. 98 нужно обратить внимание редакции на фразу: «Для нас осуществлен рассказ Яхьи Ибн-Саида о событиях 986—989 гг.».

¹ «Разыскания», стр. 327.

² «Разыскания», стр. 318—319 сл.

³ «Историк-марксист», 1937, № 5—6, стр. 58—59, также 55 сл. (в статье Грекова).

Необходимо предостеречь читателей от неправильной, антимарксистской, «норманской» теории происхождения Русского государства. Известная ценность лекций Преснякова в том, что они дополняют лекции Ключевского, ставят ряд интересных вопросов и пробуждают интерес к высоконаучным изысканиям в области летописей акад. А. А. Шахматова, незаслуженно забытого в последнее время в наших исторических работах.

Проф. В. Пархоменко

АРИСТОТЕЛЬ—О частях животных. Перевод с греческого. Вступительная статья и примечания В. П. Карпова. Государственное издательство биологической и медицинской литературы. 1938. 219 стр. Цена (в переплете) 3 р. 50 к.

Маркс называл Аристотеля «Александром Македонским философии», и это сравнение поразительно по своей меткости и глубокому смыслу. Философские победы Аристотеля оказались гораздо прочнее, чем плоды военных успехов его ученика. Давно рассыпалась монархия Александра, а учение Аристотеля все продолжало распространяться, захватив области, о существовании которых Александр и не думал. Через полторы тысячи лет еще Данте называл Аристотеля «учителем всех ученых», — слова, которые нашел нужным повторить Гегель. По словам Гамильтона, «все науки несут его печать, и его мысли непосредственно или посредственно определяют соображения всех позднейших мыслителей».

Естественно, что интерес к Аристотелю, затухавший лишь в XVIII в., продолжает чувствоваться и теперь. По мнению Гегеля, Аристотель больше других древних философов заслуживает внимательного изучения, а в «Философских тетрадах» Ленина ряд страниц посвящен ему специально. Издание его сочинений на русском языке можно лишь всячески приветствовать.

В последние годы Соцэргизом были изданы «Метафизика», «Афинская полития» и «Физика» Аристотеля, а Биомедгиз намерен «осуществить впервые на русском языке издание всех трех основных биологических произведений Аристотеля», как мы узнаем из приложенного к рецензируемой книге извещения «От издательства». Исполнение этого обещания началось с издания сравнительно небольшого сочинения Аристотеля «О частях животных». Так как Биомедгиз «осуществляет» свои намерения с большой медлительностью, то последовательность выпуска в свет томов «Классиков биологии» (так называется серия, в которую входят сочинения Аристотеля) имеет существенное значение. Логически и хронологически первым из дошедших до нас более крупных зоологических трактатов Аристотеля надо считать «Историю животных». Однако ее-то Биомедгиз предполагает выпустить в последнюю очередь, руководясь таким странным мотивом: «Издание «Истории животных» Биомедгиз сознательно отодвигает на последнее место, ввиду значительно больших объемов (?) этого произведения» (стр. 6). Неужели внутренняя связь и логическая последовательность произведений перевешивается в глазах Биомедгиза таким случайным признаком, как «большие» или меньшие «объемы» (?) книги.

Все это, конечно, не мешает нам признать, что Биомедгиз взялся за большое и нужное дело, начав издавать зоологические работы Аристотеля. Эти работы, несомненно, стоят выше остальных его естественно-научных произведений. Не раз высказывалось мнение, что если бы от Аристотеля остались только его труды по зоологии, он нашел бы место среди наиболее выдающихся представителей античной науки. Этой областью естествознания он стал заниматься, вероятно, с ранней юности, постепенно